

ДЕОНИКА В ПОЭЗИИ А.С. ХОМЯКОВА

С.В. Чертков

Научайте и вразумляйте друг друга
псалмами, славословием и духовными песнями,
во благодати воспевая в сердцах ваших
Господу.
Кол. 3: 16

Цель статьи — показать, что восприятие Хомякова-поэта только в качестве лирика снижает для нас ценность его творений.

Определимся с терминологией. Теория литературного рода предстает ныне областью проблематической. Исток противоречивых формулировок кроется в понимании категории бытия. Пока ей приписывается предикат абсолюта, сознание остается вмятым в наличную плоскость, а «обман призраков погрязший в чувственности разум принимает за истину»¹. Только с признанием Сущего как трансцендентной и высшей ипостаси и после соотнесения с ним непосредственно реального мир обретает должный объем. Бытие нам дано, к Сущему мы призваны. Человек стоит на развилке: сверни влево, и жизнь потеряет одно измерение — ты будешь намертво раздавлен стенами материи. А правый путь — труд духовного возрастания, постижения предвечного замысла и приведения бытия в соответствие с ним. Мы созидаем себя, поскольку наделены «творческой способностью осуществлять надлежащее»² — не механическим мастерством «отражения» или обезьяньим артистизмом «подражания», но талантом преображения, лишившись которого стали бы безвольными, как зеркала.

Таковы предпосылки возникновения деоники как представления идеальной реальности в искусстве и выражения авторской веры — *уповаемых утверждение, вещей обличение невидимых* (Евр. 11: 1).

Литературе тесно в рамках установившегося деления по родам. Простейший пример — популярные песни «Интернационал» и «Священная война». Попробуйте соотнести их с членами «универсальной» триады — кроме комичных натяжек, вряд ли что-то получится. Художественное творчество не может быть с достаточной точностью описано в системе трех координат. Необходимо еще одно измерение. И оно существует.

Деоника [< гр. δέον должное, необходимое, надлежащее³] — наряду с лирикой, эпосом и драмой четвертый основной род художественной литературы; то, чему должно быть. Высшая умопостигаемая реальность, норма, к которой необходимо стремиться, идеальный образ, преображенное естество.

Анализ сочинений 75-ти русских поэтов XVIII-XX вв. выявил более 1300 вещей, в разной мере относящихся к данному роду⁴. И известен человечеству он был с древнейших времен, начиная с «Поучения Птахотепа». Духом назидания было проникнуто любое письменное творчество. Диоген Лаэртский среди семи

видов речи указывает приказание, просьбу и призыв. Платон устами Сократа возвещает, что прекрасное стихотворение должно выполнять и насущные жизненные функции: быть молитвой, воззванием, наставлением⁵. По Аристотелю, поэт подражает «тому, как было и есть; или тому, как говорится и кажется; или тому, как должно быть»⁶. Для Горация одна из целей поэзии – наставлять и поучать⁷. Кант высшим ее проявлением считал способность изображать идеал. Все это – не что иное, как деоника в своем многообразии. Именно по ее направленности и силе следует судить о месте писателя в духовной иерархии, именно она выявляет систему ценностей автора, ибо человек есть то, что он желает. *Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет* (Лк. 12: 34). Понятие о нравственном идеале у всех людей разное, но!.. Коренные отличия от традиционных типов художественных произведений есть, постараемся их постигнуть.

Природа эпоса – бесконечное становление⁸; деоника есть нечто ставшее, предельная точка развития. Эпическое повествование отражает исторический процесс; деоника рисует его конечную цель. Деонический вектор однозначно задает будущее, как правило, превышающее всякую надежду или неизбежное, или желанное. Это «воспринимаемый образ сверхъестественной реальности»⁹. Но неправомерно отождествлять деонику с фантастикой (возможное и должное слабо коррелируют), что явно видно на примерах православной иконы или, в ином ракурсе, «Государства» Платона. Утопия как жанр входит в деоническую сферу, но целиком ее не заполняет. Обманчиво и внешнее сходство с идиллией, ведь «картинки быта – не символы бытия»¹⁰. Да, изображение мирной жизни деонично, если смертельные противоречия не искусственно затушеваны, а творчески преодолены. Безмятежность замершего существования прямо противоположна чувству тяжелейшего пути до представленной цели. Деоника всегда подразумевает переворот. *Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего* (Рим. 12: 2). Она рождается из признания недостатка в прошедшем и неполноты в современном¹¹, стремится охватить все бытие, предполагает осознанный акт изменения существа. Подспудно готовя нас к нему, никогда не обещает легкой добычи. Но это и не голый протест – довлеющим оказывается мир преображенный. Как только появляется даже скупая удовлетворенность действительностью, наслаждение или непринужденное ликование¹², т.е. происходит растворение в созерцании конкретно-чувственных форм, – на сцену выступает лирика¹³.

Разумеется, любые границы есть плод нашего умозрения, авторского метода, проведение их – само по себе акт творческий¹⁴. Синтез в рамках одного произведения искусства разных способов претворения мысли уже говорит о достоинстве. Но познание чистых форм объективно полезно, как и вполне плодотворно в литературе смешение родов (и жанров), в чем убеждает и поэзия Хомякова.

Ее черты в зрелый период – непоколебимая однозначность, уверенность, непременно возвышенный пафос, ясная мысль и предельно четкая идея¹⁵. Заметим, что эти определения характеризуют и всяческую деонику, в отличие от ли-

рики, которой свойственны пестрота, мимолетность, зыбкость и беспредельное кружение. Лирика, взятая сама по себе, есть только эмоция¹⁶, ведь она основывается на впечатлении, чувственном ощущении, находя сладость в их непрерывной смене – в самом течении бытия. В лирической проекции детали преувеличенно масштабируются, а каждое субъективное впечатление самоценно. Любому иному повествованию имманентна формальная самоустраненность личности автора. *Слова, которые говорю Я вам, говорю не от себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела* (Ин. 14: 10). Хомяков обличает различия первоначал как «я и от меня» и «я, но не от меня»¹⁷: личный момент остается, но в качестве снятого. Только с XVIII в. субъективность получает неслыханные права, а самовыражение делается суверенным явлением культуры¹⁸. Древнерусские «писатели “самоустраняются” из своих сочинений, потому что боятся “самосмышления”, боятся впасть в гордыню, первый из семи грехов смертных»¹⁹. Они страшатся личной точки зрения. Их цель – выразить общее, земское, соборное мнение»²⁰. «Художник <...> растворяет свою личность в воссоздаваемом <...> полотне. Даже когда его субъективность проступает, она не похожа на лиризм. Оценки <...> выносятся не от своего имени, а от лица традиции, обычая, веры, народа. Поэт отдает свой голос чему-то бесконечно более значительному, чем он сам»²¹. Деонический поэт упивается «не ничтожными событиями собственной жизни <...> он вещает правду и суд промысла. <...> мечет перуны в сопостатов, блажит праведника, клянет изверга»²². Вот и вся разница!

Деоника, в сравнении с лирикой, есть «более глубокая форма духовного самосознания»²³. Она всегда диалектична и претендует на то, чтобы стать всеобщим правилом²⁴. Ее задача – преодолеть видимые противоречия жизни, справиться с изменчивым потоком переживаний; доведя их до логического предела, превратить в долг и моральную обязанность²⁵. Только долг способен обуздать страсти. Только деонике по силам раскрыть содержание и цель личности и всего мироздания²⁶.

Бытует множество определений, с разным эмоциональным знаком выражающих отношение критиков к искомому предмету²⁷. Не было пока только имени... Симулякр «дидактическая литература» указывает ныне глухую провинцию в непомерной лирической империи. Противостояние пользы и наслаждения разрешилось гегемонией последнего. Причина грехопадения литературы – примат души над духом²⁸. Но простодушие древних не ведало в поэзии ничего кроме воспевания, а дидактичность мыслилась присущей всей литературе (и не только ей!), хотя дьявольский подлог уже ощущался – его констатирует Платон: искусство уклоняется от выражения истины, познания первооснов и воплощения нравственных образов²⁹. И все же еще два века назад Байрон почитал за высший род (!) поэзию высоконравственную (дидактическую), имеющую своим предметом просвещение и улучшение человека³⁰.

Действительно, дидактика – органическая часть деоники; они соотносятся, как поучение и представление (сию статью вряд ли можно назвать назиданием, это всего лишь провозглашение³¹). Наоборот, публицистика (как размышле-

ние на заданную тему или полемика) далеко не всегда приводит к однозначному надлежащему³². В предельном значении деоника предстает как мудрость³³, и величайший ее образец – Библия³⁴. А русское поэтическое поле пока не рождало урожая добротнее, чем под плугом нашего героя. «Ценить и благодарить следует глубоко православного поэта <...> за то, что мощным голосом своим нарушил царственный покой самодовлеющего неверия, подорвал надменно величественный и дерзко самозванный престиж его, поколебал хотя отчасти гнетущий плен вавилонский»³⁵. И если бы глагол «урожденного поэта, провидца»³⁶ был услышан (а скорее, востребован!) наравне с пушкинским, он принес бы столько же практической пользы, сколь вреда причинило русской культуре творчество упомянутого поэтического антипода Хомякова³⁷. Но это уже чистая деоника...

Соблюдая хронологический принцип, рассмотрим 15 произведений Хомякова в двух аспектах, последовательно выявляя особенности композиции и сущность мысли. Структурный анализ позволит установить, в какой форме она бытийствует, и наметить первичную типологию.

1. «Ода» (1830). Имеет три части: вполне эпическая первая завершается *требованием*, вторая состоит из *проклятий*, а третья рисует будущий век. Из неприятия действительности через ее отрицание возникает иное бытие. Его устроение, по мнению автора, совершенно: деяния, нарушающие моральные нормы, подвергнуты остракизму; торжествуют принципы, без обсуждения почитаемые высшими. Выделим два деонических пласта: а) нечто существующее необходимо преодолеть, б) тогда установится верный ход вещей, каковой и описан. Картина несколько абстрактна и метафорична, в отличие от конкретности символики позднего периода. Но несомненно, что «Ода» как цельная вещь не может быть приписана ни к одному известному роду литературы, несмотря на наличие их отдельных атрибутов.

2. «Вдохновение» (1831). Зачин – чистый *призыв*. Далее следует констатация закона мироздания, долженствующего осуществиться независимо от желания человека, условно сводящаяся к импликации «если... то...». Целиком стих есть императив («поступай так, ибо...») и звучит как *предупреждение*, *предостережение*.

3. «Орел» (1832). Иное построение, сочетающее методы {1, 2}³⁸. *Побуждение* к выполнению моральных обязанностей с целью вернуть падшее бытие к истинному порядку. Причем одно деоническое деяние, поданное как максима, служит условием другого, на которое автор *уповает*.

4. «Ключ» (1835). Первая часть – лирическое описание действительности (хотя и умозримой), но затем создается перспектива, русло ширится и устье сливается с небом. Поэт воспаряет над плоскостью текущего дня, и взору открывается будущность. Ее восприятие не менее лирично, но это есть *чаяние* («верю, что так будет»).

5. «Остров» (1836). Та же схема, но с одним разительным отличием. Можно назвать вторую часть антиутопией, но куда вернее слово «*приговор*».

Налицо и разница с {2}: благополучный исход не подразумевается. Заключительное четверостишие, постулирующее *упование* автора, не относится к объекту приговора, хотя весь стих и воспринимается как *предостережение*.

6. «России» (1839). Похожая двучастная композиция, снова разворачивается полотно реального бытия. Но уже в первую часть вводится *предостережение* и наглядные примеры неизбежной кары за преступление *завета*; а во второй дается *предначертание* должного пути, *взывание* переходит в наказ следовать ему, за что и грядет достойная награда.

7. «На перенесение Наполеонова праха» (1840). Пример органического сочетания деоники с эпосом. Причем первая предстает как *наказ*, а объяснением его верности служит *упование* («Пусть...») на действительность совершенного.

8. «Не говорите: “То бывшее...”» (1844). Снова пример деонического эпоса. В построении отметим, как начальная *апофатическая деоника* переходит в *требование*.

9. «Воскресение Лазаря» (1852). Звучит *молитва*, и если она будет услышана, должно произойти желаемое автором (ср. {2}).

10. «Ночь» (1854). Пламенный *призыв* совершить некие поступки, наущно необходимые для всякого человека. Типичное *побуждение* к исполнению долга.

11. «России» (1854). Сначала даётся *представление* о долге, затем следует призыв к выполнению условий его воплощения, а в конце указаны конкретные пути исполнения.

12. «Раскаявшейся России» (1854). *Упование* на совершение желаемого (ср. {9}) плюс *призыв* исполнить оное. Впервые возникает мотив *благословения*.

13. «Счастлива мысль, которой не светила...» (1858). Так должно поступать, дабы получить искомое.

14. «Труженик» (1858). Полемика. Стандартно лирической первой части противостоит *призыв* исполнить долг перед Богом, а разрешается коллизия смирением и крепкой верой следовать завету.

15. «Подвиг есть и в сраженьи...» (1859). Аналогично {2, 13}.

Итак, деоника обнаруживает себя в следующих типах³⁹:

- I. Констатация законов, максима {2, 13, 15}.
- II. Представление о долге {5, 10, 11}.
- III. Апофатика {8}.
- IV. Призыв {11, 14} (многообразию действий соответствуют модусы):
 - а) молитва, просьба {2, 5, 9};
 - б) побуждение, увещание {3, 10};
 - в) приказ, требование {1, 5, 8};
 - г) предупреждение, предостережение {2, 5, 6};
 - д) проклятие, благословение {1, 12};
 - е) наказ {6, 7};
 - ж) запрет, завет.
- V. Предначертание (указание) пути {6, 11}.

VI. Стимул, в т. ч. примеры награды или кары {6, 13}.

VII. Чаяние, упование {3, 4, 5, 7, 12}.

VIII. Образ будущего века {1, 4, 5, 13}.

Зафиксируем и авторские методы построения стиха. Чаще всего это путь от ущербного бытия к абсолюту упования, от картинок текущих событий к символам горнего мира. Эпический и лирический потоки вливаются в деоническое море и растворяются в нем. Как правило, двух-трехчастную структуру организует развернутая метафора; антагонизм видимого и надлежащего подчеркнут сменой форм повествования. Так создается конфликтность, напряженность ситуации⁴⁰: «поэзия уже не погружает в приятное подобие сна, <...> она окликает душу, как резкий сигнал к пробуждению»⁴¹. А эпическая манера, к которой Хомяков тяготеет, сглаживает откровенную моралистичность.

Перейдем к сущности деоники Хомякова и рассмотрим авторское идеальное мироустройство, путешествуя по преображенной ойкумене.

В центре ее, превыше всех и в славе, по милости Божьей стоит Россия – прощенная после слезного покаяния за бывшие грехи, преодолевшая гордыню, смиренная и молящаяся, полная жертвенной любви и дарящая верой. Исполнив волю Бога, свое предназначение и моральную обязанность, она кроваво⁴² сокрушила внешнее зло, преодолела внутренний раздор, помогла младшим братьям и теперь является охранительницей союза любви, властвующего над землёй. В единстве с Богом и святыми духовно окормляет не только семью освобождённых ею от рабства славянских народов, но и весь мир, делаясь с ним богатством мыслей. А над могилой сокрушенных гордецов-противников высится крест.

В деонической стране Хомякова день начинается с молитвы: народ, воспламеняясь духом, коленопреклоненно молится в храме за себя и всех падших и обремененных. Здесь же пребывает и автор, воскресший по глаголу Христову и славящий Господа. Затем человек творящий, художник в самом широком смысле, непрестанно борясь с ленью как главным врагом творчества, отринув соблазн мирского наслаждения и дремотного покоя, достойно принимает дар небес, дабы слиться с ними⁴³. До поздней тьмы он терпеливо свершает свыше назначенный удел, в поту трудясь на Господней ниве, борясь с косностью и злом силою мысли и слова. Ночная молитва укрепляет дух – и снова день, и снова труд...

Для полноты картины перечислим устраненное Хомяковым из высшей реальности (апофатическая деоника). Кроме уже указанного, с негодованием изгнаны: вражда и сраженья одноплеменников (но только их!); насилие в отношении семьи славян; бешеные страсти; лукавство, гордыня и славолубие; власть государства над Церковью; клевета, двоедушие и разврат; неправый суд, лесть и ложь; слепая и низкая (!) злоба.

Деонический мир Хомякова насквозь диалектичен. Главная пружина и движущая сила его становления – антитеза гордыни и смирения, но не рабского, а подлинного. Ей соответствует противопоставление славы мирской и Божьей⁴⁴. Это «чистейшая исповедь православия»⁴⁵. Но присутствует и еще одна дихото-

мия: долга государства и личности. Образное воплощение получают жестко разграниченные К.Аксаковым понятия «государство» и «земля»⁴⁶. Здесь обнажается нерв всей истории человечества, ведь задачи сторон прямо противоположны: сохранение власти (причем любой ценой) и смирение как путь ко спасению. Соответственно, и цели находятся в разных измерениях (сугубо земном и запредельно небесном), и методы их достижения отличаются (убивать/подавлять и трудиться/жертвовать). Мы видели, что в идеальном мире Хомякова, откликаясь на Божеский призыв, субъекты должны действовать по-разному, да и сам он звучит то просительно (в форме предложения), то требовательно (приказа). Напрашивается параллель с известной дефиницией кушитство-иранство: культурами завоевательной {1, 5, 6, 11, 12} и земледельческой {2, 13, 14}. Но в отличие от учения блж. Августина (к трактату которого «О граде Божьем» и восходит сия оппозиция), здесь обе предстают выразителями Божьей воли, хотя путь личностный все же почитается за высший подвиг {15}. Нам явлено «оригинальной красоты общество, соединяющее патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства»⁴⁷.

Поэзия Хомякова – не только органичное продолжение славянофильской историософии, но и синтез, завершение «глубоко обдуманной <...> нравственно-богословской системы»⁴⁸, преодоление мнимого конфликта свободы и необходимости. Нечто «третье, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал»⁴⁹. На то она и деоника, чтобы претворять боль в радость!

Завершат мое оглашение имени «нового» рода литературы два категорических императива, полностью воплощенные Хомяковым. Его современник и единомышленник В.Гюго призывал: «Подобно светочу, должен [поэт] шествовать впереди народов, указывая им путь. Он должен вернуть их к великим принципам порядка, морали и чести <...> Истинный поэт никогда не будет эхом никакого другого слова, кроме слова Божия»⁵⁰. А св. прав. Иоанн Кронштадтский заповедовал: «Люди образованные, <...> сочинители и писатели <...> должны служить к славе Божией и пользам народа <...> на началах Православной Церкви. Не должно ни у кого и спрашивать, нужно ли распространять Славу Божию пишущею рукою <...> Это мы обязаны делать по мере сил своих и возможности. Таланты надо употреблять в дело. Коли будешь задумываться об этом простом деле, то диавол, пожалуй, внушит тебе нелепость, что надо иметь только внутреннее делание»⁵¹.

Трагично, что сполна этот подвиг не осилил никто из русских поэтов, кроме Хомякова.

¹ *Свт. Филарет Московский*. Творения. М., 1994. С. 134.

² *Прп. Максим Исповедник*. Творения. М., 1994. Т. 2. С. 123.

³ Слово «деоника» являет контрастную аналогию с «лирикой» и указывает на отличие от внелитературных терминов «деонтология» (*Бентам И.* Деонтология, или Наука о морали. 1834) и «деонтическая логика» (*Вригт Г.Х. фон.* Логико-философские исследо-

вания: Избранные труды. М., 1986). В «Никомаховой этике» to deon переведено как «должное», чтобы отличить от Pflicht Канта, но указан подстрочник – «что следует делать» (*Аристотель*. Сочинения. М., 1984. Т. 4. С. 693).

⁴ «Реальные тексты редко манифестируют теоретические модели в чистом виде: как правило, мы имеем дело с динамическими, переходными, текучими формами, которые не полностью реализуют эти идеальные построения, а лишь в какой-то мере ими организуются» (*Лотман Ю.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 51). «Каждая такая категория для современной диалектики является <...> принципом становления и потому может трактоваться, начиная от своего предельного наполнения и кончая своими близкими к нулю функциями» (*Лосев А.* Проблема вариативного функционирования поэтического языка // *Знак. Символ. Миф.* М., 1982. С. 416–417).

⁵ *Платон*. Государство. III, 399ab.

⁶ *Аристотель*. Поэтика. 1460b.

⁷ *Гораций*. Наука поэзии. 333.

⁸ *Шеллинг Ф.* Философия искусства. М., 1996. С. 380.

⁹ *Успенский Б.* Язык богослужения и проблема конвенциональности знака // *Язык Церкви*. М., 2002. С. 48.

¹⁰ *Аверинцев С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 180.

¹¹ *Хомяков А.* Полное собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 240.

¹² *Аверинцев С.* Поэтика ранневизантийской литературы. Указ. соч. С. 186.

¹³ Гегель противопоставляет наличному бытию именно долженствование (Наука логики. Кн. 3, разд. 1, гл. 2), действительности – чистый долг (Феноменология духа. VI, С, а). Вслед за ним и Аверинцев мыслит сферу долженствования как превышающую сферу реальности (Поэтика ранневизантийской литературы. Указ. соч. С. 116).

¹⁴ Намеренная фигура умолчания в отношении драмы – призыв к сотворчеству, соборному восполнению целокупной формы. Деоническими по сути являются: «Гамлет» Шекспира, «Ермак» Хомякова, «Брандт» Ибсена, «Иванов» Чехова (любопытно, что все названия – имена главных героев).

¹⁵ *Кошелев В.* Алексей Степанович Хомяков... М., 2000. С. 41.

¹⁶ *Лосев А.* Проблема вариативного функционирования поэтического языка // *Знак. Символ. Миф.* М., 1982. С. 417; *Аверинцев С.* Поэты. М., 1996. С. 313.

¹⁷ *Хомяков А.* Полное собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 278.

¹⁸ *Аверинцев С.* Поэты. Указ. соч. С. 282.

¹⁹ Анонимность икон (в т. ч. кисти прп. Андрея Рублева), «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу» и «Ареопагитик» – выражение предельного авторского смирения.

²⁰ *Панченко А.* О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 305–306.

²¹ *Лотман Ю.* О поэтах и поэзии. СПб., 2001. С. 321.

²² *Кюхельбекер В.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 454.

²³ *Лосев А.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 2000. С. 59.

²⁴ *Кант И.* Критика практического разума. Ч. 1, кн. 1, § 1–3.

²⁵ *Лосев А.* История античной эстетики. Указ. соч. С. 150.

²⁶ Ср.: «Понятие об обязанности находится в прямой зависимости от общего понятия человека о всечеловеческой или всемирной нравственной истине» (*Хомяков А.* Полное собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 15).

²⁷ Например, о творениях Хомякова: стихотворная публицистика, стихи пропагандного характера, стихи-призывы, агитационная поэзия, стихотворения-манифесты, резонёрство, морализаторство, назидательная литература, нравоучение, версифицированная проповедь, духовное наставление etc.

²⁸ *Аверинцев С.* Поэтика ранневизантийской литературы. Указ. соч. С. 290.

²⁹ *Платон.* Государство. III, 400e; X, 605b–607d.

³⁰ Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 322.

³¹ Разница призыва и учительства хорошо видна на примере богослужебного назначения дьякона.

³² Ср.: «На возврате дыхания и сознания» и «Жить не по лжи!» А. Солженицына.

³³ Разумеется нравственное совершенство, а не интеллектуальный феномен, т.е. знание как таковое (*Панченко А.* Указ. соч. С. 222); соединение истины и блага, высшая правда, согласование плотской жизни человека с бытием духовным (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978).

³⁴ В ней «природа и вещи должны упоминаться лишь по ходу действия и по связи со смыслом действия, никогда не становясь объектами самоцельного описания, выражающего бескорыстно-отрешённую радость глаз; люди же предстают не как объекты художнического наблюдения, но как субъекты выбора и действия» [1, 94].

³⁵ *Аксаков Н.* Духа не угашайте! М., 2002. С. 125.

³⁶ *Григорьев А.* Эстетика и критика. М., 1980. С. 165.

³⁷ «Если бы литература <...> обратилась к христианству, вместо того чтобы поклоняться языческим богам, если бы поэты были <...> жрецами, воспевавшими великие идеи своей религии и своего отечества, то софистским доктринам прошлого столетия было бы очень трудно, а пожалуй, и невозможно победить» (*Гюго В.* Предисловие к сборнику «Новые оды» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 442).

³⁸ Здесь и далее в фигурных скобках номера стихотворений.

³⁹ Классификация не исчерпывающая и не единственная. Иные создаются на основах категорий грамматических (форм предложения и склонения глагола) или кантовских.

⁴⁰ *Кошелев В.* Алексей Степанович Хомяков... М., 2000. С. 386.

⁴¹ *Аверинцев С.* Поэтика ранневизантийской литературы. Указ. соч. С. 186.

⁴² Пожалуй, единственное противоречие требованиям Христа, но государство – не личность...

⁴³ Постоянно встречающийся мотив. Причем небеса воспринимаются как покров Всевышнего (6).

⁴⁴ Начиная с XVII в. эта антиномия стала остро полемичной (см.: *Панченко А.* Указ. соч. С. 196). Достаточно вспомнить бешеную популярность «Памятника», чтобы понять всю небанальность для русской образованщины устремлений Хомякова.

⁴⁵ *Аксаков Н.* Духа не угашайте! М., 2002. С. 15.

⁴⁶ Аксаков К. Полное собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 16–23; О внутреннем состоянии России // Ранние славянофилы. М., 1910. Подробнее см.: Устрялов Н. Политическая доктрина славянофильства. Харбин, 1925.

⁴⁷ Киреевский И. Критика и эстетика. М., 1998. С. 153.

⁴⁸ Аксаков К., Аксаков И. Литературная критика. М., 1982. С. 344.

⁴⁹ Хомяков А. Работы по историософии. М., 1994. С. 470.

⁵⁰ Гого В. Указ. соч. С. 443.

⁵¹ Прав. Иоанн Кронштадтский. Слово в пятую неделю Великого поста // Великий пост. М., 1991; Моя жизнь во Христе. М., 2001. С. 334–335.